

Эволюция «власти коммуникаций»: от постправды к постреальности. Возможности и пределы социального и политического управления

Дмитриев О. А.* , Евстафьев Д. Г.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация; *oadmtriev@hse.ru

РЕФЕРАТ

Модель трансформации мировой политики и экономики, связанной с кризисом американоцентричной глобализации и сопряженной с ней институциональности, ставит вопрос об эффективных механизмах управления противоречивыми социально-политическими и социально-экономическими процессами. Ключевая проблема — чрезмерная роль информационно-манипулятивных технологий, включая и «силовую пропаганду» в условиях формирующихся узлов ценностного противоборства и размежевания.

Глобалистский информационный мейнстрим использует большое количество фактоидов — семантически окрашенных, политических по своей природе, антироссийских суждений, выдаваемых за якобы свершившийся факт. Сформированная в период поздней глобализации система управления коммуникационными процессами, возникновение феномена «универсальной повестки дня» были одними из важнейших элементов «глобальной взаимозависимости». Одним из наиболее активно используемых инструментов формирования нового социально-политического пространства становится «постреальность», являющаяся дальнейшим развитием механизма «постправды», обеспечивавшей доминирование «условного Большого Запада» в глобальном информационно-политическом пространстве в эпоху однополярного мира.

«Постреальность», рассматриваемая авторами как технология социоинформационного управления, эффективно давала возможность управлять процессами в общественном мнении в эпоху глобализации. Однако ситуация геоэкономической регионализации хотя и позволяет до известной степени сохранять доминирование США в глобальном информационном пространстве, но ведет к противоречиям между частями в прошлом единого Запада и порождает многовариантность постправд — постреальностей.

Кризис мира «власти коммуникаций», восхвалявшийся медиаисследователями начала 2000-х годов, создает крайне противоречивую социоинформационную среду, порождающую «глобальную коммуникационную анклавность». А уже на этой социальной и технологической основе вполне возможно конструирование «постреальности».

Ключевые слова: постправда, постреальность, информационное общество, мейнстрим, альтернатива.

Для цитирования: Дмитриев О. А., Евстафьев Д. Г. Эволюция «власти коммуникаций»: от постправды к постреальности. Возможности и пределы социального и политического управления // Управленческое консультирование. 2026. № 2. С. 9–22. EDN ХРКРКQ

Evolution of the “Power of Communications”: from Post-truth to Post-reality. Opportunities and Limits of Social and Political Governance

Oleg A. Dmitriev*, Dmitry G. Evstafiev

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation; *oadmtriev@hse.ru

ABSTRACT

The ongoing transformation of the world politics that are the results of the crisis of the americano-centric globalization and related crisis of the Americano-centric institutionalization put forward the issue of the new methods of management of the controversial socio-economic

and social-politic tendencies The key problem of the contemporary world is the excessive role of informational manipulations and related technologies including military hybrid propaganda in the main areas of competition and disengagement. The Western informational mainstream uses multiple factoids that are presented as the real facts. The system of management of the global informational processes served as one of the major tools of the global interrelationship as we know it. "Post-reality" became one of the currently frequently used methods of formation of new geopolitical spaces and reshaping the geo-economic landscape. The post-reality is a more complex development of the post-truth technologies that secured the US dominance in the global informational environment through the era of American unipolarity. The phenomena of post-reality on the one hand gives the opportunity to manage actively the process of geo-economic regionalization, but on the other provides for preservation of US global dominance relying upon the primacy in the global informational environment. The on-going crisis of the "world of the power of communications" that was praised by the researches of media-sphere in the beginning of 2000s, creates a highly contradictory socio-informational environment that in turn creates the ground for the effect of socio-communication enclavism. And that is the fertile social and technological ground for constructing the post-reality as the socio-political reality.

Keywords: post-truth, post-reality, information society, mainstream, alternativity.

For citation: Dmitriev O. A., Evstafiev D. G. Evolution of the "Power of Communications": from Post-truth to Post-reality. Opportunities and Limits of Social and Political Governance // Administrative Consulting. 2026. N 2. P. 9–22. EDN XPKPKQ

Вместо введения: постправда как феномен глобализации

Современное информационное общество является основой для наглядного проявления диалектики материального и нематериального в современном экономизированном мире [3]. Фактор нематериального в развитии информационного общества (далее — ИО) традиционно играл и продолжает играть значительную роль. Несмотря на эффект «диктата формата», контент, прежде всего его принятие значимыми социальными группами потребителей (как товаров, так и «ощущений»), продолжал оставаться ключевым фактором. Но современное ИО, основанное на принципе интегрированных коммуникаций, является некой интегрированной квинт-эссенцией сочетания материального — технологических возможностей и экономических потребностей — и нематериального — социально-культурных процессов.

Это и формирует стимулы к развитию ИО через развитие порождаемых им форматов коммуникаций и его институциональной архитектуры. Американоцентричная глобализация породила ряд специфических социоинформационных феноменов. Одним из них стал феномен постправды [9]. Особенностью постправды была нацеленность на решение содержательных задач, формирование нового содержательного пространства, преимущественно за счет «технологических» средств. Главным стало доминирование в медийном «мейнстриме» и приоритетность лишь одной точки зрения на происходящие события.

Чиновники и сотрудники агентств по международному развитию открыто поддерживают работу СМИ, оказывающих воздействие не только на «страны третьего мира» (USAID¹, NDI и другие), но и на развитые страны, считавшиеся частью «ядра глобализации». Принимают активное участие в формировании информационного мейнстрима и организации, осуществлявшие так называемую гуманитарную деятельность под лозунгами развития и социальной модернизации, борьбы против

¹ Инициатива по поддержке независимости медиа (Медиа-К) [Электронный ресурс] <https://www.usaid.gov/ru/kyrgyz-republic/fact-sheets/cultivating-media-independence-initiative-media-k> (дата обращения: 03.04.2020).* — Деятельность Агентства США по международному развитию (USAID) запрещена на территории РФ.

опасных болезней (US Peace Corps, UNAIDS, UNHCR, UNRWA, Oxfam, World Food Programme, Norwegian Refugee Council, MSF и т. п.). Их деятельность, как правило, активизируется после громких заявлений руководителей США, а также стран «коллективного Запада» против лидеров стран, оказывающих сопротивление глобальному мейнстриму. Такими странами осенью 2025 г. стали Венесуэла и Нигерия. Тем самым коммуникации, после элит подхваченные некоммерческими организациями, становятся «кирпичиками» для строительства не только глобальной «повестки дня», куда вовлечены десятки миллионов людей в разных странах мира [13], но и влияния на социальные интересы и пристрастия людей [12].

Фундаментальным условием, обеспечившим переход от постправды к постреальности, стала институционализация ИО, реализованная в интересах глобалистских элит. Глобализированная архитектура цифрового информационного общества обеспечила его статус в качестве одной из систем управления глобальным — постгосударственным — развитием [2].

Методологически важным представляется вопрос о механизмах развития медийного мейнстрима на протяжении последних 500 лет. Именно тогда, в эпоху Великих географических открытий, была заложена традиция восприятия крупных источников массовой информации как якобы самых надежных во время репортажей о путешествиях и колонизации ранее неизведанных европейских территорий. Это привело к формированию понятия *mainstream* (далее — мейнстрим). К нему в Кембриджском словаре относят идеи, верования, устои, считающиеся приемлемыми большинством людей в мире. Сам по себе термин «мейнстрим» является инструментом управления не только медийной, но и социальной повесткой.

Недавний пример: попытка глобальных мейнстримных СМИ однобоко представить иранскую ракетную атаку по территории Израиля как неэффективную. В то же время многие факты говорят совершенно об обратном². Это подтверждается и ведущими «мозговыми центрами» информационного мейнстрима, такими как Chatham House, а также Институт международных отношений в Риме. Эти и другие похожие организации принимают участие в трансформации информационного общества, легализовав «классическую» постправду. Мы наблюдали попытки масштабных, практически глобальных социоинформационных манипуляций с целью не просто сформировать политическую атмосферу вокруг конфликта, но и обозначить социально желательный его результат. Конфликт между Израилем и Ираном при участии США показал возможности постправды как инструмента глобального управления, но и недостаточность этой технологии.

Понятие «мейнстрим» имеет также еще одно значение — «нормальный»: то, что устраивает большинство и не предполагает каких-либо изменений³. Вытекающим из него стал термин «Новая нормальность», носивший не столько оценочный, сколько методологический характер. Как правило, термин употреблялся во время изменения экономической ситуации после кризиса 2008 г., а также сразу после разгара пандемии COVID-19 в 2020 г. «Новая нормальность», отделенная от просто «нормальности», стала инструментом глобального политического и экономического управления, обеспечивавшей возможность безболезненного пересмотра и/или отказа от прежних установлений, если хотите, прежней «правды».

Еще не технология, но метод «постправды» в базовом понимании родился как элемент инструментария управления глобальным информационно-ценностным мейнстримом.

² Iran's attack on Israel was not the failure many claim but it has ended Israel's isolation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chathamhouse.org/2024/04/irans-attack-israel-was-not-failure-many-claim-it-has-ended-israels-isolation> (дата обращения: 13.04.2024).

³ Mainstream // Cambridge English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/mainstream> (дата обращения: 29.06.2020).

Постправда стала одним из социально значимых «субпродуктов» развития ИО в конце XX — начале XXI в., превратившегося из сервисной сферы в социально, а затем и в социально-экономически образующую систему.

Пост-реальность соответствует этапу развития ИО, когда важнейшими критериями являются глубина вовлеченности в информационные процессы, интрузивность, возможность фокусного влияния на малые группы социально вовлеченного населения и даже отдельных людей. Постреальность нацелена на изменение моделей социального поведения. Отправной точкой для введения в оборот концепта постреальности стало перерастание «войн памяти», которые велись в рамках модели «постправды», в инструмент конструирования долгосрочной антироссийской реальности, проявлявшийся как во внешней политике, так и в плане формирования новой внутренней политики крупнейших стран Запада, а в первую очередь — стран Европы [5].

Возникновение эффективных механизмов формирования флагманских тематических направлений информационного воздействия дало возможность масштабировать механизмы фреймирования, превратив их из инструмента социальной структуризации социальных групп в механизм управления более масштабными социо-информационными процессами, причем как во внутринациональном контексте, так и в международном. Мы наблюдаем в процессе трансформации модели «постправды» в «постреальность» попытку качественного рывка механизмов управления. С одним нюансом: эти механизмы рассчитаны на существование не только ИО как глобальной системы, но и глобализации как политической и экономической реальности.

Рост глобального проникновения интернет-услуг в начале XXI в., в частности, развитие технологий Web 2.0 в середине «нулевых» способствовали массовому появлению альтернативных инструментов в медиа. Среди них — англоязычные информационные международные ресурсы в «не-англоязычных» странах (RT, Al Jazeera, Press TV), блоги влиятельных медийных фигур и политических деятелей, Telegram-каналы и т. п. По мнению Тима О'Салливана, альтернативные медиа призваны активизировать либо инициировать социальные изменения, постоянно допускать свою аудиторию в процесс создания информационной повестки, а также использовать инновации в производстве медиаконтента [16].

Выдвинем предположение:

«Постправда» как феномен получила столь серьезное политическое значение, поскольку опиралась на институциональную структуру мира поздней глобализации. Современный исторический этап характеризуется кризисом архитектуры мировой экономики и политики, недееспособностью целого ряда институтов. Прежде всего тех, которые могут быть отнесены к «надпространственным». Это не означает, что постправда и ее продолжение на более продвинутой технологической основе — «постреальность» — перестали быть актуальными. Это означает необходимость преломления механизмов (а значит, и обеспечивающих его технологий) постправды к новым историческим условиям трансформации универсального глобального мира.

Отметим и то обстоятельство, что сейчас происходит резкий рывок в качестве форм и методов информационно-политических манипуляций, в частности, технологий информационных войн. Это связано с практической апробацией этих методов в принципиально новых условиях выхода за рамки постпространственности в ходе реального военно-силового противоборства. Это обстоятельство отмечалось рядом российских исследователей [7].

В условиях распада глобальной социальной и социокультурной универсальности технологии постправды становятся принципиально недостаточным, более того, противоречит ставящимся «объединенным Западом» задачам строительства нового миропорядка, основанного на «ценностях». **Механизм постправды построен на идее множественности часто повторяемых универсальных и географически не локализованных истин, что давало ему большой информационно-манипулятивный**

потенциал. Сейчас речь идет о формировании системы, нацеленной на создание «образов будущего» и формирования текущего информационного мейнстрима путем разрушения альтернативной точки зрения на текущие события.

Возникающую систему можно было бы назвать «постреальностью». Изучение ее особенностей поставлено в центр данной статьи.

От постправды к постреальности: постановка исследовательских вопросов

Кризис совокупной западноцентричной архитектуры глобализации выразился особенно остро в институциональном кризисе, через который во многом и реализовывался потенциал американоцентричной «мягкой силы». Последняя сыграла определяющую роль в удержании целостности позднеглобального мира, мира, как теперь очевидно, избыточной американоцентричности, не обеспеченной ресурсами.

Пиковым этапом использования постправды в качестве уже не просто идеологического, но политического инструмента стала развернутая в 2010-е гг. масштабная дискуссия о виновниках Второй мировой войны, значение которой в России в полной мере недооценили. Впоследствии эта дискуссия происходила в полном соответствии с канонами исторического ревизионизма, постепенно интегрировавшегося в информационный, но еще не научный мейнстрим, продемонстрировав ярко выраженный политико-манипулятивный характер.

Механизм постправды, масштабированный от частного к общему, на этапе зрелой глобализации становился механизмом стратегического управления через коммуникации. Он определил характер распространения, «каскадирования» нарративов, превратившихся в базовый инструмент политического управления. Но нарративов, с одной стороны, адаптированных к глобальным каналам коммуникаций, а с другой — содержащих в себе системно интегрированные «цепочки постправды», интерпретируемые и в политическом, и в правовом (как с признанием равноответственности СССР и нацистской Германии за развязывание Второй мировой войны), а в ряде случаев — и в социально-экономическом «полях».

Оксфордский словарь определяет термин «постправда» как совокупность обстоятельств, в которой объективные факты менее влияют на формирование общественного мнения, чем эмоции или личные убеждения⁴. Из-за приставки «пост-» может сложиться впечатление о том, что термин говорит о ситуации, когда индивид узнает правду после события. Но этот термин может быть интерпретирован и как «правда нового времени» — или «новейшая правда»: сочетание *post* с именем существительным в английском языке позволяет допустить такую интерпретацию.

Особенно популярным он стал после того, как Оксфордский словарь признал **post-truth** «словом года 2016», поскольку он часто фигурировал при описании двух главных событий международной жизни: референдума о выходе Великобритании из Евросоюза, а также президентских выборов в США в 2016 г., когда победу одержал Дональд Трамп.

Социоинформационные манипуляции в контексте референдума по выходу Великобритании из ЕС следует признать классическим примером постправды. Но этот же кейс показал пределы возможностей данной технологии.

Например, главным аргументом сторонников выхода Великобритании из ЕС было требование снизить уровень иммиграции. Также во главу угла ставилось то, что каждую неделю Великобритания передает ЕС 350 млн фунтов стерлингов. Вместо Евросоюза, считали сторонники, лучше тратить эти деньги на Национальную

⁴ Post-truth definition. Lexico.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexico.com/definition/post-truth> (дата обращения: 26.08.2021).

систему здравоохранения. Этот лозунг был написан даже на автобусах. Этот факт, несмотря на всю свою дискуссионность, был воспринят избирателями как истина.

После голосования глава Партии независимости Соединенного Королевства признал, что после выхода у Великобритании этих денег не будет: их просто невозможно перевести в Национальную систему здравоохранения. Ошибались также и экономисты Банка Англии, предрекавшие коллапс экономики в случае выхода из Евросоюза. Это еще один пример того, что в кампании за выход Великобритании из ЕС было использовано большое количество экспертов, выразивших сомнительные точки зрения. Такая антиэкспертная линия показывает, что знания не просто фабрикуются: они обладают силой убеждения, трансформирующего «картину мира» у целевой аудитории [9].

Определяющей чертой политики постправды является то, что участники различных политических кампаний придерживаются своих тезисов, даже если те получили опровержение в СМИ или через независимых экспертов. Это происходит из-за того, что раздробленность источников новостей создает ситуацию, когда ложь, сплетни и слухи распространяются с необычайной скоростью. Ложь, которую распространяют политики и их сторонники в интернете через сеть лояльных пользователей, может очень быстро подменять правду⁵.

Позиции мейнстримных и международных альтернативных медиа также различались и при осущении пандемии коронавируса. Все ведущие мировые СМИ позиционировали усиления западных политических элит, в то время как позиция России и Китая и принимаемые этими странами меры по борьбе с коронавирусом оставались незамеченными, что подчеркивает приверженность западных медиа концепции постправды. В отличие от информационного мейнстрима, редакция RT старалась предоставить отличный от мейнстримовского взгляд на положение дел в Китае, по праву считающимся одним из главных экономических и геополитических конкурентов США на международной арене. Это же касается и конструктивного освещения деятельности лидеров Китая и Российской Федерации по борьбе с коронавирусом альтернативными международными СМИ в противовес мейнстриму.

Можно предположить, что именно тогда, в 2020 г. (а не после воссоединения России и Крыма), обозначился выход России как государства и общества (а значит — и российских СМИ) за рамки глобалистского социоинформационного мейнстрима. То есть — Россия стала выходить за рамки контура глобального управления.

Постправда достигает требуемого эффекта при помощи следующих приемов:

- комплексного использования экспертных мнений, представляющих «назначенную правильную» точку зрения;
- интерпретации цифр, фактов и деталей с помощью таблиц и графической репрезентации;
- выделения проблематики вакцинации и отсутствия освещения общего, глобального решения проблемы вакцинации.

При анализе картины мира, создаваемой международными альтернативными медиа, необходимо принимать во внимание и парадигму «свой — чужой». Ее автор, К. Берк, строит ее на принципе идентификации, означающем, что люди относят себя к определенным группам, придерживающимся определенных ценностей [14]. С этой точки зрения постправда продолжала методологическую линию, заложенную концептом социоинформационного фреймирования, но на более высоком технологическом уровне и в условиях почти полной монополии глобалистских элит на общемировые информационные платформы и каналы коммуникаций. Для создания

⁵ Политика постправды [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Политика_постправды* (дата обращения: 05.11.2017). * — РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ.

доверительного отношения с целевой аудиторией автор сообщения должен стать для него в какой-то мере «своим». Иными словами, главным становится определение ценностной рамки восприятия того или иного объекта (процесса или явления) как «своего» или «чужого». Но это уже больше, нежели просто способность навязать ту или иную интерпретацию относительно социально важного факта, явления или процесса. Особенно четко это линия прослеживается при освещении очередного этапа эскалации израильско-палестинского конфликта, когда в СМИ различной редакционной направленности (например, Al Jazeera и Haaretz соответственно) практически не используются нарративы «чужих»⁶.

Фиксируемая психологически, а в ряде случаев — и коммуникационно, «чуждость» другого человека тоже несет смысловую нагрузку: она воспринимается как ценностная ориентация, противоположная убеждениям адресата [8]. Дихотомия «свой — чужой» также усиливается для того, чтобы информация стала для общества настолько понятной, чтобы каждый его пользователь смог персонифицировать данную информацию для себя соответствующим образом. В интервью журналу The New Yorker советник Джо Байдена по вопросам национальной безопасности Джейк Салливан открыто признался, что для него разделение «свой — чужой» определяется его детскими воспоминаниями фильмов «Рэмбо» и «Красная Жара». На основании этого весьма дискуссионного, но затрагивающего базовые архетипы восприятия, сформировавшегося в юности, заключения Салливан считает, что в событиях вокруг Украины он принимает сторону Киева⁷.

Для фигурантов администрации Д. Трампа такая идентификация более затруднена в силу специфического жизненного опыта, но, например, выделим «евроатлантизм» М. Рубио и его антикоммунистические настроения, проявившиеся, в частности, в «Венесуэльском кризисе» как результат детских воспоминаний. Рубио — потомок кубинских эмигрантов в первом поколении. Аналогично, хотя и имеет совершенно иную природу, формировались принципы самоидентификации С. Уиткоффа, длительное время взаимодействовавшего с бизнес-элитами Ближнего Востока. В обоих случаях мироощущение, преломляемое в политические действия, формировалось на базе той социокоммуникационной среды, в которой человек сформировался.

Гипотеза авторов состоит в следующем:

Кризис глобализации в ее «американоцентричной» трактовке и возникновение дискурса «посткапитализма», отрицавшего многие основы классической сетевой глобализации, сделали механизмы «постправды» недостаточными. Это касалось в особенности задачи поддержания благоприятного для «Западного мира», а если упрощать, для США как его метрополии, информационно-политического пространства, его содержательной целостности, а главное — способности неограниченного масштабирования медийного мейнстрима. Возникла потребность в переходе к более радикальным, интрузивным механизмам управления политико-коммуникационным мейнстримом, включающим не только механизмы социального управления, но и «власть коммуникации» [4, с. 4], управление общественными процессами через «каскадирование нарративов» с инструментариум принуждения к политико-информационной конформности.

Возникающую в связи с новыми задачами и новым операционным пространством технологию можно было бы назвать «постреальностью» и отнести к новому, вероятно, третьему поколению технологий социального управления, считая постправду элементом «второго поколения» [6].

⁶ Conversations in Israel: a complicated mix of emotions [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/12/14/if-not-for-hamas-we-could-live-with-palestinians-conversations-in-israel> (дата обращения: 26.04.2024).

⁷ Jake Sullivan's Trial by Combat [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2023/10/16/trial-by-combat> (дата обращения: 26.11.2023).

Американский исследователь Ч. Вилле полагал, что альтернативность появляется при возникновении ситуации, когда заявленные идеи первоначально не принимаются авторитетными международными медиа, поскольку их там попросту может не быть [18]. Такое на первый взгляд вольное отношение к проблеме трактовки информации заставило борца за охрану окружающей среды и активиста Дэвида Робертса переосмыслить термин «постправда», ранее определявшийся как менее значимые обстоятельства при выражении общественного мнения. По мнению Робертса, постправдой называется культура, когда общественное мнение оказывается полностью оторванным от политики и не соприкасающимся с ней. И поэтому потребителям нужна альтернатива [17].

Технология постреальности была сформирована на базе создания совокупности постправд, что делает ее комплексным феноменом более высокого уровня. Под термином «постреальность» подразумевается система политических взглядов и поведенческих парадигм, основанная на частом употреблении и навязывании неверифицированных концептов и реалий широким слоям населения. Но эти модифицированные и, как правило, искаженные парадигмы восприятия реальности навязываются с целью оказать влияние не только на социально-политическое поведение широких слоев общественности, но также и на поведение бытовое.

Постреальность как механизм предполагает наличие социального действия как инструмента реализации, «экспортируемого» через глобальные каналы коммуникаций, социально-политические и социокультурные институты во «внешнюю» условно реальность. В «постреальности» изначально заложен механизм социокоммуникационной «экспансии», а не просто девальвации истины как в «постправде». Конечная цель — создать искаженное пространство для принятия политических или экономических решений [10; 11].

Постреальность всегда опирается на общественные институты и на различные элементы принуждения: от социокоммуникационной конформности, заимствованной во многом из технологий «постправды», до элементов прямого административного принуждения.

Этот фактор может стать центральным на этапе перехода от мира тормозящей глобализации к неоглобальному миру, где информационное общество сохранит, вероятно, свой глобальный характер.

«Постправда» одновременно воспринималась как элемент «мягкой силы» и отражала ее кризис [13], означая перенос акцента с институционального влияния на коммуникационно-манипулятивное. Важным и недооцененным моментом, касающимся технологий постправды с точки зрения политического управления мировыми процессами, было то, что переход к постправде стал фактическим признанием доминирования определенных благоприятных для США смыслов в формирующихся условиях позднеглобального мира, что могло быть обеспечено только за счет «технологических» средств и информационных манипуляций.

Постреальность принципиально отличается от «мегамифа» в классической его трактовке [1] прежде всего тем, что предполагает полноценное социальное действие в качестве главного механизма ее реализации. Этим актуализируются возможности социокоммуникационной гибридности, создаваемые современными цифровыми коммуникациями. Возникновение гибридных социокоммуникационных институтов и является важнейшим уже не информационно-технологическим, но информационно-социальным фундаментом, на котором выстраивается постреальность. Новое поколение цифровых технологий дает возможность комплексного воздействия на целевые аудитории. Постреальность адаптируется под нужды не только макроаудиторий, но и малых, но социально активных групп населения. Это подтверждается успехом развития Telegram-каналов, что во многом соответствует господствовавшему в период

поздней глобализации концепту «мира меньшинств», обладающему собственными постреальностями. Именно поэтому социальными сетями в последние годы стали пользоваться альтернативные международные медиа.

Постреальность в структуре актуального информационного общества

Обозначим предварительные итоги **первоначальной деконструкции проблемы постреальности**:

Современный этап в развитии международных отношений связан с одновременным разрушением архитектуры, характерной для предыдущей социально-исторической эпохи (1987–2020⁸). Он также обусловлен резким обострением противоречий между наиболее влиятельными государствами мира, находившимися внутри системы глобальной геоэкономической взаимозависимости. В этой связи возрастает способность использовать потенциал информационного общества как инструмент политического взаимодействия и консолидации геополитически значимых коалиций.

Постреальность представляет собой институционализированную систему, построенную на комплексном масштабировании технологий постправды, реализуемых с использованием всей полноты сетевых интегрированных коммуникаций, в сферу не просто социальных отношений, но ценностной ориентации. Постреальность, выходя за рамки стратегической пропаганды, частью чего и была политика «постправды», да и в целом — за рамки технологий информационного воздействия, становится инструментом конструирования долгосрочного целеполагания не только для отдельных социальных групп, но и для государств.

Результаты авторского анализа транзита от «постправды» к «постреальности» в пространстве мира, переходящего от американоцентричной универсалистской глобализации к неоглобальному миру, построенному вокруг механизмов геоэкономической регионализации, представлены в табл. 1.

На основании авторских обобщений, приведенных в табл. 1, выделим наиболее принципиальные отличия между постправдой и постреальностью. На взгляд авторов, они сводятся к четырем моментам, помимо указанной выше потребности в институционализации.

Первое. Масштабы универсальности сущностей. Постреальность претендует на тотальность, тогда как постправда, даже в условиях характерной для 2010-х гг. интеграции механизмов постправды в информационно-пропагандистскую политику, на это не претендовала: речь шла лишь о тактическом и фрагментарном информационном воздействии по отдельно взятым темам.

Второе. Время существования. Постреальность претендует на долгосрочность, уже сейчас доказывая способность существования комплексного социально-политического симулякра, такого как «Цивилизованный мир против России» или «Трамп против демократии», как минимум, на среднесрочную перспективу.

Третье. Практически в любой постреальности присутствует значимый социально-экономический, реже — экономический процесс (например, связанный с появлением пионерного сектора экономики, по привлекательности опережающего все остальные), как минимум, на определенном этапе становящийся базисом для укоренения постреальности. Классическим примером является «Зеленая повестка» 90-х гг. XX в. Это первая классическая постреальность эпохи глобальных

⁸ От фактической капитуляции СССР на Мальте до событий в Белоруссии в 2020 г., обозначивших резкий поворот в политических процессах в Евразии, обозначивший окончательное завершение политического господства Западного мира и возвращение тенденции консолидации Евразии. Начало СВО лишь зафиксировало новое состояние социоинформационной сферы.

Таблица 1

Особенности транзитирования технологий постправды в феномен постреальности

Table 1. Features of the Transit of Post-truth Technologies into the Phenomenon of Post-reality

Среда	Охват	Реализация	Время существования	Ключевая точка проявления	Инструментарий	Примеры	Тенденция	Примечания
Постправда	Страна-коалиция	Локально-пространственная	От коротко-срочного — к долго-срочному	Внутренняя политика. Управление социальными-политическими процессами. Информационные войны. Войны памяти	СМИ. «Якорные интернет-платформы». Сетевые коммуникации как вспомогательный инструмент	«Сталин — инициатор Второй мировой войны», «Россия — империя зла», «НАТО — механизм безопасности»	Усиление административного воздействия. Возникновение «анклавов отрицания». Культура отмены	Невозможность полноценной реализации модели в условиях даже относительной открытости системы
Актуальное состояние (транзит к неоглобальному миру)	Формирование про-странства коалиций	Региональные экономические пространства	Попытка конструирования среднего срочных ценностно-ориентированных реальных-стей	Внешняя политика. Консолидация внутреннего общественного мнения для решения внешне-политических задач	Сетевизированные мультимедиа системы	«Цивилизованный мир против России», «Консервативные ценности», «Трамп против демократии»	Усиление про-пагандистского компонента в коммуникациях	Недостаточность чисто информационных инструментов
Постреальность	«Коалиция-миры»	Локально-пространственная	Обособленная информационная реальность	Конструирование сущностей на внешнем контуре. Новая надпротранственная институционализация (расширенная BRICS)	Социальные сети и социальные структуры	«Зеленая повестка»	Формирование протоидеологий для массового воздействия	Невозможность создания полноценной постреальности в условиях плюрализма мнений

Источник: авторские обобщения.

интегрированных коммуникаций, за которой скрывалась попытка запуска нового инвестиционного цикла в энергетике и части промышленности.

Четвертое. Постреальность всегда предполагает конструирование долгосрочного целеполагания, тогда как постправда — в силу своих «встроенных», имманентных особенностей — существует «здесь и сейчас». Но это означает, что у постреальности всегда присутствует некое прото-идеологическое, ценностно-императивное содержание, достигаемое различными социоинформационными методами. **В этом, вероятно, лежит один из источников запроса на формулирование элитами «образа будущего», проявившегося во многих странах в последнее время.**

Заключение

Главная дилемма транзита к постреальности заключается в том, что реализация этой модели невозможна в условиях сохранения относительной открытости глобального информационного пространства, предполагающего движение информации по всем векторам и возможность существования множественности «постправд». Постреальность как технология политико-информационного управления предполагает ограничения на доступ в страновую (или региональную) постреальность конкурирующих постправд.

Рестриктивные действия в отношении российских СМИ, начиная с 2022 г., безусловно, повысили уровень защищенности конструируемой на «коллективном Западе» постреальности, но не исключили оборот альтернативных мнений, превращающих ее как минимум в не универсальную. Допустимо сделать вывод о том, что постреальность опирается на универсальную технологию симулякривания, реализуемую в специфическом социальном пространстве в условиях, близких к тотальному доминированию определенной картины мира.

Феномен постреальности, замещающий постправду, отражает ситуацию, когда, несмотря на противодействие со стороны США, набирает обороты регионализация, формирование относительно самодостаточных макрорегионов. Базой для этого выступает не экономика, а ценностная — социальная и социоинформационная составляющая. Она возвращает нас к теме посткапитализма как локализованной и регионализованной модели развития, в которой «платформой сборки» экономической модели развития выступают не базис, не экономические факторы, а элементы ценностной самоидентификации. А ими вполне можно управлять с использованием технологий постправды/постреальности.

Сделаем базовый вывод:

В начальный период своего формирования (практической пространственной апробации) **наиболее ярко постреальность проявлялась в межгосударственных взаимоотношениях, где элементы политического симулякривания использовались как инструмент конструирования внешнеполитических коалиций**, где «по умолчанию» присутствовал «коллективный Запад» и где в настоящее время происходит перенос использования подобных технологий на внутристрановой уровень. Они становятся инструментом формирования новых систем управления внутриполитическими процессами. Это во многом становится результатом опережающей и неравномерной деструкции политических систем, построенных по принципам «представительной» (западной) демократии, характеризующихся отрывом элит от динамики общественных настроений.

И это свидетельствует о переходном характере нынешней исторической эпохи как периода распада экономически, социально и социокультурно универсального «мира глобализации» и глобальной универсальности. Но из этого вытекает и другой вывод: **«постреальность» как социоинформационная технология пригодна для использования в качестве инструмента управления демонтажом глобализации**

на этапе ее трансформации в полицентричность, социальной основой которой становятся локальные, национальные или региональные «мегамифы», реализуемые в пространстве политических практик через технологии постреальности.

Литература

1. *Барт Р.* Мифологии. Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. Москва: Академический проект, 2010. 351 с. EDN: VRSFCV
2. *Бузовский И. И.* Дискуссия // И. И. Бузовский, А. А. Громыко, Е. Г. Драпеко, А. Д. Хлутков [и др.] // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире: Материалы XXI Международных Лихачевских научных чтений, Санкт-Петербург, 25–26 мая 2023 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2023. С. 186–203. EDN: NYGBME
3. *Горц А.* Нематериальное. Знание, стоимость, капитал. Пер. с франц. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2010. 208 с.
4. *Кастельс М.* Власть коммуникации // под науч. ред. А. И. Черных. Пер. с англ. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2016. 564 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2924-9. EDN: KPGAGG
5. *Кошкарова Н. Н.* Вакханалия беспамятства: историческая политика как средство дискредитации прошлого // История и современность. 2021. № 2 (40). С. 98–115. DOI: 10.30884/iis/2021.02.05 EDN: UPXXGV
6. *Матвейчев О. А.* Политическое консультирование в России. Вчера, сегодня, завтра. Москва: Книжный мир, 2020. 512 с. ISBN: 978-5-6043989-8-2 EDN: YAKKRE
7. *Межевич Н. М., Шамахов В. А.* Медиавойны нового поколения и информационные практики специальной военной операции: аналитический доклад. Санкт-Петербург: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. 25 с.
8. *Налимов В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. Москва: Академический проект, 2011. 399 с.
9. *Фуллер С.* Постправда. Знание как борьба за власть. Москва: Издательский дом ВШЭ, 2021. 368 с.
10. *Шамахов В. А., Межевич Н. М.* Современные информационные технологии: препятствия и помощники в принятии управленческих решений. Статья первая. Препятствия // Управленческое консультирование. 2021. № 5 (149). С. 10–16. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-5-10-16. EDN: IZYCYV
11. *Шамахов В. А., Межевич Н. М.* Современные информационные технологии: препятствия и помощники в принятии управленческих решений. Статья вторая. Возможности // Управленческое консультирование. 2021. № 6 (150). С. 10–16. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-6-10-16. EDN: AGMSYN
12. *Ascione Gennaro.* «Decolonizing the 'Global': The Coloniality of Method and the Problem of the Unit of Analysis» // Cultural Sociology. 10, no. 3 (2016): 1–18.
13. *Baysha O.* Miscommunicating Social Change. Lessons from Russia and the Ukraine. Lexington Books - Lanham - Boulder - New York - London, 2019. 246 p.
14. *Burke K.* A Rhetoric of motives. University of California Press, 1969. 340 p.
15. *Nye J. Jr.* How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // Foreign Affairs, January, 24, 2018. Internet source. Access mode: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>.
16. *O'Sullivan Tim.* 'Alternative media'. In: O'Sullivan Tim, Hartley John, Saunders Danny, Montgomery Martin, Fiske John (Eds.). Key Concepts in Communication and Cultural Studies. Routledge, New York, 1994.
17. *Roberts D.* Post-truth politics [Электронный ресурс]. URL: <https://grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics> (дата обращения: 20.08.2020).
18. *Willet Ch.* «The State of Alternative Publishing in America: Issues and Implications for Libraries». Counterpoise 3.1. January 1999.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Об авторах:

Дмитриев Олег Аркадьевич, кандидат филологических наук, профессор, заместитель директора Института медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа

экономики», советник Медиагруппы «Россия сегодня» (Москва, Российская Федерация); oadmtriev@hse.ru, dmitrievoa@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9051-5988; ResearcherID: AAB-7830-2019

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич, кандидат политических наук, профессор Института медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация); devstafiev@hse.ru, estd1212@yandex.ru; SPIN ПИНЦ 8135-4366; ORCID: 0000-0002-6276-0342

References

1. Bart R. Mythologies. Translated from French., introduction article and comments by S. Zenkin. Moscow: Academic project, 2010. 351 p. (In Russ.). EDN: VRSFVCV
2. Buzovsky I. I. Discussion / I. I. Buzovsky, A. A. Gromyko, E. G. Drapeko, A. D. Khlutkov [et al.] // Dialogues and Conflicts of Cultures in a Changing World: Materials of the XXI International Likhachev Scientific Readings, St. Petersburg, May 25–26, 2023. St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2023. P. 186–203. (In Russ.). EDN: NYGBME
3. Gortz A. The Immaterial: Knowledge, Value and Capital. Translation from French. Moscow: HSE Publishing House, 2010, 208 p. (In Russ.).
4. Castells M. The power of communication. Edited by A.I. Chernykh. Translation from English. Moscow: HSE Publishing House, 2016. 564 p. (In Russ.). DOI: 10.17323/978-5-7598-2924-9 EDN: KPGAGG
5. Koshkarova N. N. Wild celebration of forgetfulness: politics of memory as a means of past defamation // History and modernity [Istoria i sovremennost]. 2021. № 2 (40). P. 98–115. (In Russ.). DOI: 10.30884/iis/2021.02.05 EDN: UPXXGV
6. Matveychev O. A. Political consulting in Russia. Yesterday, today, tomorrow. Moscow: Book world, 2020. 512 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-6043989-8-2 EDN: YAKKRE
7. Mezhevich N. M., Shamakhov V. A. New generation media wars and information practices of a special military operation: analytical report. St. Petersburg: NWIM of RANEPА Publishing Centre, 2022. 25 p. (In Russ.).
8. Nalimov V. Spontaneity of consciousness. Probabilistic theory of meanings and meanings of architectonics of personality. Moscow: Academic project, 2011. 399 p. (In Russ.).
9. Fuller S. Post-Truth. Knowledge as a struggle for power. Moscow: HSE Publishing House, 2021. 368 p. (In Russ.).
10. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Modern Information Technologies: Obstacles and Assistants in Management Decision-Making. Article One. Obstacles // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsultirovanie]. 2021. N 5. P. 10–16. (In Russ.). DOI: 10.22394/1726-1139-2021-5-10-16 EDN: IZYCYV
11. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Modern Information Technologies: Obstacles and Assistants in Management Decision-Making. Article Two. Opportunities. Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsultirovanie]. 2021. N 6 (150). P. 10–16. (In Russ.). DOI: 10.22394/1726-1139-2021-6-10-16 EDN: AGMSYN
12. Ascione Gennaro. “Decolonizing the ‘Global’: The Coloniality of Method and the Problem of the Unit of Analysis” // Cultural Sociology. 10, no. 3 (2016): 1–18.
13. Baysha O. Miscommunicating Social Change. Lessons from Russia and the Ukraine. Lexington Books — Lanham — Boulder — New York — London, 2019. 246 p.
14. Burke K. A Rhetoric of motives. University of California Press, 1969. 340 p.
15. Nye J. Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // Foreign Affairs, January, 24, 2018. Internet source. Access mode: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>
16. O’Sullivan Tim. ‘Alternative media’. In: O’Sullivan Tim, Hartley John, Saunders Danny, Montgomery Martin, Fiske John (Eds.). Key Concepts in Communication and Cultural Studies. Routledge, New York, 1994.
17. Roberts D. Post-truth politics [Electronic resource]. URL: <https://grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics> (date of address: 20.08.2020).
18. Willet Ch. “The State of Alternative Publishing in America: Issues and Implications for Libraries”. Counterpoise 3.1. January 1999.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

About the authors:

Oleg A. Dmitriev, PhD in Philology, Professor, Deputy Director, Institute of Media, Higher School of Economics, Advisor to «Rossiya segodnya» Mediagroup (Moscow, Russian Federation); oadmtriev@hse.ru, dmitrievoa@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9051-5988; ResearcherID: AAB-7830-2019

Dmitry G. Evstafiev, PhD in Political Sciences, Professor of the Institute of Media of the Faculty of Creative Industries, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); devstafiev@hse.ru; SPIN RSCI 8135-4366; ORCID: 0000-0002-6276-0342

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Поступила после рецензирования: 05.02.2026

Принята к публикации: 10.03.2026

The article was submitted: 15.01.2026

Approved after reviewing: 05.02.2026

Accepted for publication: 10.03.2026

© Дмитриев О. А., Евстафьев Д. Г., 2026